

С.Т. Аксаков

Собрание сочинений

Том 3-4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А41

А41 **Аксаков С.Т.**
Собрание сочинений: Том 3-4 / С.Т. Аксаков – М.: Книга по Требованию, 2015. –
932 с.

ISBN 978-5-518-00790-1

ISBN 978-5-518-00790-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НАТАША.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НЕОКОНЧЕННОЙ ПОВѢСТИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ П. С. АКСАКОВА.

Эта повѣсть была писана или, вѣрнѣе, диктована авторомъ въ промежуткахъ мучительной болѣзни, которою онъ началъ страдать осенью 1857 г. и которая свела его въ могилу, въ ночь съ 29-го на 30-е апрѣля 1859 г. Ровно за мѣсяць до кончины, съ согласія Сергѣя Тимоѣевича, отрывокъ изъ этой повѣсти былъ прочтенъ его сыномъ, Константиномъ Сергѣевичемъ, въ публичномъ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ А. С. Хомякова, Общества Любителей Россійской Словесности (въ Москвѣ), а въ 1860 г. напечатанъ во 2-й книгѣ „Русской Бесѣды“. Въ полномъ же своемъ видѣ рукопись этой неоконченной повѣсти появилась въ „Русскомъ Архивѣ“ 1868 г. №№ 4 и 5.

Въ настоящее время нѣтъ уже болѣе надобности скрывать, что эта повѣсть не вымыселъ и составляетъ одинъ изъ эпизодовъ „Семейной Хроникѣ“. *Болдухины*—тѣ же Багровы или тѣ же Аксаковы, родители автора; *Василій Петровичъ*—онъ же и *Алексій Степановичъ*, описанный въ „Женитьбѣ моего отца“ и въ „Дѣтскихъ годахъ“, онъ же и *Тимоѣей Степановичъ*, упоминаемый въ тѣхъ разказахъ, гдѣ авторъ уже снимаетъ съ себя псевдонимъ „Багрова“. *Варвара Михайловна Болдухина*—та же Софья Николаевна и Марья Нико-

длезна, которой образъ съ такою любовью воспроизведенъ ея сыномъ въ „Семейной Хроникѣ“ и въ описаніи „Годовъ въ гимназій“; для читателя не безъинтересно въ предлагаемой повѣсти встрѣтиться съ этой замѣчательной женщиной уже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, прослѣдить дальнѣйшее развитіе ея характера. *Наташа*—та самая „сестрица Наташинька“ или „Надеженька“, съ которою уже знакомы читатели по прежнимъ сочиненіямъ автора. Ея женихи: *Солобуевъ*—сынъ владѣльца богатыхъ чугунныхъ заводовъ Вятской губ. Мосоловъ, а *Шатовъ*—Шинковъ, помѣщикъ Бузулуцкаго уѣзда Самарской, тогда еще Симбирской губерніи.

Разсказъ Сергѣя Тимофеевича прерывается на томъ, какъ Шатовъ, уже получившій согласіе 16-лѣтней Наташи и ея родителей, уже объявленный женихомъ, при болѣе близкомъ знакомствѣ становится все менѣе и менѣе симпатиченъ невѣстѣ, и смущеніе начинаетъ овладѣвать душою молодой дѣвушки. Мы можемъ досказать эту исторію: свадьба разстроилась, и Наташа или Надежда Тимофеевна вышла замужъ за Солобуева, т. е. Мосолова. Но это замужество продолжалось недолго: года черезъ четыре онъ умеръ, а потомъ года черезъ два молодая вдова вышла въ 1817 г. замужъ за пзвѣстнаго читателямъ „Семейной Хроники“ и „Воспоминашій“ умнаго и образованнаго Григ. Ив. Карташевскаго, который былъ сначала воспитателемъ С. Т.—ча въ Казани, затѣмъ профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ, впослѣдствіи директоромъ Департамента Иностранныхъ Исповѣданій (много содѣйствовавшаго успѣху первыхъ начинаній Юсифа Сѣмашки относительно возсоединенія униатовъ съ православною церковью), попечителемъ Вѣлорусскаго учебнаго округа, наконецъ сенаторомъ, въ каковомъ званіи онъ и умеръ въ 1840 г. Кажется, въ нахѣреніи автора было разсказать замужество „Наташи“ съ „Солобуевымъ“ и изобразить всю отвратительную картину семейныхъ правовъ въ средѣ богатыхъ помѣщиковъ-заводчиковъ Вятской губерніи въ началѣ нынѣшняго вѣка, матерьяломъ для чего, кромѣ личныхъ воспоминаній Сергѣя Тимофеевича, должны были служить и *Воспоминанія*, написанныя нарочно, по его просьбѣ, самую „Наташею“ или П. Карташевской, уже въ 1858 г.

И. Аксаковъ.

НАТАША.

(ОЧЕРКЪ ПОМѢЩИЧЬЕГО БЫТА).

В

въ первыхъ годахъ перваго десятилѣтїя текущаго, богатаго великими событіями, девятнадцатаго вѣка, стало-быть слишкомъ за пятьдесятъ лѣтъ, въ одной отдаленной отъ столицъ, полустепной и полудѣсной губерніи, сосѣдственной съ настоящими, коренными нашими дѣсными губерніями, Пермскою и Вятскою, въ совершенномъ захолустьѣ, жило богатое и многочисленное дворянское семейство Болдухиныхъ, въ пятисотдушномъ селѣ Вознесенскомъ, Болдухино-тожъ; жило въ полномъ смыслѣ по-деревенски. Старикки, неполучившіе никакого образованія, разбогатѣвшіе недавно и совершенно неожиданно, не привыкли еще пользоваться и распоряжаться, какъ слѣдуетъ, всѣми средствами настоящаго своего богатаго состоянія. Въ иныхъ случаяхъ тратились они безъ надобности и бросали деньги, какъ говорится, на вѣтеръ, такъ что добрые люди посмѣивались и думали про-себя, а нѣкоторые можетъ быть и говорили: „дешево деньги достались; цѣны и счету имъ не знаютъ“. Въ иныхъ случаяхъ же, именно въ такихъ, въ которыхъ не надо жалѣть денегъ, Болдухины были скуповаты, и вотъ тѣ же добрые люди говорили про-себя, а нѣкоторые можетъ

быть и вслухъ, что: *не рука крестьянину калачъ ѣсть*, и что не смыслятъ Болдухины, гдѣ денежку надо приберечь и гдѣ бросить.—Впрочемъ, слѣдуя духу времени, начинавшему пробиваться до границъ такихъ губерній, гдѣ зимой частенько замерзаетъ ртуть, Болдухины желали доставить *воспитаніе* своимъ дѣтямъ, и для того не жалѣли денегъ. Разумѣется, успѣхъ (понимая его въ нашемъ смыслѣ) не соответствовалъ желанію и значительной денежной тратѣ, потому что не только трудно, но почти невозможно было затасчить въ такую отдаленную глушь хорошихъ учителей и учительницъ; учительницы или *мадамы*, какъ ихъ тогда называли, были необходимѣе учителей, потому что въ семействѣ Болдухиныхъ находилось пять дочерей и четверо сыновей; но всѣ братья были дѣти, были почти погодки и моложе своихъ сестеръ. Старшей изъ нихъ, Наташѣ, совершенной красавицѣ, тогда было 14 лѣтъ. Итакъ, родители ограничились тѣмъ, что выписали черезъ какого-то корреспондента, печатно увѣрявшаго въ газетахъ о своей честности, какую-то мадамъ де-Фуасье и какого-то мусье, стараго капитана австрійской службы Морицъ Иваныча Шевалье де-Глейхенфельда, и поручили имъ учить дѣтей всѣмъ наукамъ и искусствамъ. Старая француженка мадамъ де-Фуасье, не знавшая никакихъ языковъ кромѣ французскаго, умѣла только ворожить на картахъ и страстно любить свою огромную болонку „Азора“, у котораго были какіе-то странные, черные, точно человѣчьи глаза, такъ что горничныя дѣвки боялись смотрѣть на Азорку. Шевалье де-Глейхенфельдъ, нидерландскій уроженецъ, „Морсъ Иванычъ“, какъ его звала въ домѣ прислуга, зналъ основательно два языка—французскій и нѣмецкій, неосновательно—латинскій, да четвертый еще—составленный имъ самимъ изъ всѣхъ европейскихъ языковъ и преимущественно изъ польскаго и другихъ славянскихъ нарѣчій, потому что капитанъ долго служилъ въ австрійской арміи и много таскался по австрійскимъ славянскимъ владѣніямъ. Вотъ образецъ его рѣчей на этомъ составномъ языкѣ. Хотѣлъ-ли онъ назвать кого-нибудь глупымъ, онъ говорилъ: онъ има на свой глупа шапки, прбата и слопа; т. е. онъ имѣетъ въ своей головѣ сѣно, траву и солому. Разговоры называлъ говріанье, сказки—кишкерестъ, вора—двуръ, дѣвушку—кобитка и пр. Сверхъ того онъ былъ большою проказникъ, иногда называлъ барыню—баранина, при-

творяясь, что не умѣть различать этихъ словъ. Такъ на-примѣръ, одинъ разъ при гостяхъ за обѣдомъ, будучи недо-воленъ, что мало осталось жаркаго на блюдѣ, онъ съ досадою отказался отъ него. Г-жа Болдухина, замѣтивъ это, въ простотѣ души обратилась къ нему съ вопросомъ: „отчего, Морицъ Ивановичъ, вы не взяли жаренаго?“... Оттого, моя сударыня баранина, отвѣчалъ капитанъ, что ту не ма кусокъ на мой густо.“ Г-жа Болдухина покраснѣла до ушей съ до-сады, гости расхохотались, у лакеевъ искривились лица отъ сдержаннаго смѣха, а Морсъ Ивановичъ съ видомъ невин-ности началъ допрашивать: не сказаль-ли онъ чего-нибудь смѣшнаго? Кавалеръ де-Глейхенфельдъ тоже ворожилъ, но по звѣздамъ, и составлялъ гороскопы, взлѣзая для наблюденія по ночамъ на колокольню. Странно, что, на смѣхъ здравому смыслу, нѣкоторые изъ его гороскоповъ въ послѣдствіи ока-зывались поразительно вѣрны. Разумѣется, его считали колдуномъ и даже побаивались. Онъ очень любилъ одного изъ сыновей Болдухиныхъ, смуглаго лицомъ мальчика и на-зывалъ его: „черный пола“. Передъ Наташей онъ благо-говѣлъ.

Сначала ученье шло, казалось, хорошо; но года черезъ два старикъ сталъ догадываться, что такіе учителя недоста-точны для окончательнаго воспитанія, да и сосѣди корчили, что стыдно, при ихъ состояніи, не доставить дѣтямъ сто-личнаго образованія. Болдухины думали, думали и рѣшились для окончательнаго воспитанія старшихъ дѣтей переѣхать на годъ въ Москву, гдѣ и прежде бывали не одинъ разъ, только на короткое время. Впрочемъ, была и другая побудительная причина къ отъѣзду въ древнюю столицу.

Съ половины лѣта начались сборы; старикъ не умѣлъ понять, что въ Москвѣ нужно только побольше денегъ и какъ можно меньше народу. Они нагрузились всякою всяч-ною, набрали кучу ненужныхъ вещей, запасовъ и людей; разумѣется, за все это они дорого заплатились.

Въ послѣднихъ числахъ сентября, еще въ хорошую, или по крайней мѣрѣ сносную, осеннюю погоду, довольно рано поутру, выѣхали изъ села Болдухина двѣ кареты, двѣ ко-ляски, нѣсколько кибитокъ и телегъ, навьюченныхъ донельзя. Весь этотъ обозище отиравлялся на своихъ доморощенныхъ, господскихъ лошадахъ, числомъ не болѣе, не менѣе, на тридцатисемь коняхъ. Не успѣли отъѣхать и пятнадцати

версть, какъ семилѣтній мальчикъ Петруша, старшій изъ сыновей Болдухнинныхъ, фаворитъ и баловень Варвары Михайловны (такъ звали г-жу Болдухину), котораго повезли уже нездоровымъ, въ надеждѣ, что дорогой будетъ ему лучше,— такъ разнемогся или по крайней мѣрѣ такъ расплакался (ѣхать въ Москву ему не хотѣлось), что испуганные родители рѣшились воротиться домой.

Въ селѣ Болдухинѣ общее удовольствіе, по случаю отъѣзда господъ въ Москву на долгое время, находилось въ самомъ разгарѣ. Многочисленная дворня, проводя до околицы своихъ помѣщиковъ со многими вздохами и слезами, толпою возвращалась домой, разсуждая между собою, зачѣмъ уѣхали бары въ Москву. „Видно денегъ некуда дѣвать, говорилъ, хрипя отъ одышки, старый ключникъ, Иванъ Маркычъ; ну, чего не видали въ Москвѣ? Ну, гдѣ имъ найти житья лучше, какъ въ Болдухинѣ?“ — „Это все она! подхватила молодая, смазливая прачка, сосланная недавно за что-то изъ горничныхъ въ людскую стирать бѣлье. Баринъ-бы вѣкъ не выѣхалъ изъ деревни; это все ей, барышѣ, не сидится дома, она же и дочку подбила.“ — „Ну, гдѣ тебѣ, глупой бабѣ, это разумѣть, возражалъ старый буфетчикъ, купленный лѣтъ за десять Болдухнинми. Можно-ли приравнять московскую жизнь къ вашей? Здѣсь глушь, Азія, татары, черемисы да вотяки. Кого здѣсь увидишь? А тамъ на Москвѣ у насъ церковей Божіихъ не сочтешь; енераловъ и всякихъ важныхъ господъ видимо-невидимо, а къ тому же и дѣтокъ надобно обучать...“ Въ такихъ-то пріятныхъ и поучительныхъ разговорахъ дошла дворня до своихъ избъ, клѣтей и амбарушекъ и, разбившись на кружки, принялась шировать на свободѣ. Хотя помѣщики были люди не строгіе, а добрые и даже слабые; но все какъ будто гора у всѣхъ свалилась съ плечъ, и всякій строилъ въ головѣ планы, какъ бы сначала повеселиться, а потомъ повыгодиѣ проводить свое досужее время.

Вдругъ какой-то зоркій мальчишка замѣтилъ показавшіеся на горѣ высокіе экипажи; ихъ сейчасъ узнали, и тревожная вѣсть: „господа воротились“, какъ молнія пронеслась по всѣмъ людскимъ, избамъ, ткацкимъ, столярнымъ, прачешнымъ—и вездѣ сдѣлалась большая суматоха. Кто могъ, побѣжалъ на встрѣчу, а кто не могъ—тѣ попрятались, наказавъ отвѣчать господамъ, если сироятъ: что прикащикъ уѣхалъ, дескать, по

хозяйственнымъ господскимъ надобностямъ въ сосѣдную деревню, что ключникъ угорѣлъ въ банѣ, старый буфетчикъ отличился поохотиться съ острогою за рыбою, версть за шесть, и пр. и пр.

Но всѣ опасенія были напрасны и всѣ предосторожности не нужны. Хозяева воротились въ такомъ смущеніи, что не обратили ни на кого ни малѣйшаго вниманія. Смущеніе происходило отъ того, что старикъ Болдухничъ (въ самомъ дѣлѣ неохотно ѣхавшій въ Москву) сказалъ наотрѣзъ своей супругѣ и дочери при рѣшеніи воротиться домой, что, по выздоровленіи Петруши, хотя бы оно и черезъ недѣлю послѣдовало, поздно будетъ пускаться въ такой дальній путь; что въ октябрѣ уже не ѣзда на своихъ по проселочнымъ дорогамъ и что ѣхать надо будетъ уже по зимѣ. Изъ этого вышелъ горячій и непріятный споръ, и всѣ воротились очень невеселы, особенно мать и старшая дочь Наташа, шестнадцатилѣтняя необыкновенная красавица. И матери и дочери, по какимъ-то невѣдомымъ, инстинктивнымъ причинамъ, очень хотѣлось въ Москву и, войдя въ домъ, прошли онѣ прямо въ спальню г-жи Болдухиной и принялись обѣ плакать.

Экипажи поставили у лакейскаго подъѣзда и у дѣвичьяго крыльца; лошадей приказано было отложить, а лакеямъ и горничнымъ выбрать изъ каретъ и повозокъ только необходимое для ночлега; изъ чего можно заключить, что барыня надѣялась на скорое выздоровленіе Петруши. Кучеръ Трофимъ, выпрягая коренныхъ изъ четверомѣстной кареты, крѣико сердился на форрейтора Сидорку: „Счастливъ ты, собачій сынъ, что воротились, говорилъ онъ хриплымъ басомъ. Я бы на первой кормежкѣ нагрѣлъ те синину. Вишь, какъ упарилъ подсѣдельную! Развѣ я те не кричалъ: держи, не давай натягивать постромокъ?“ „Да кто ее, дядошка, сдержитъ? раздавался пискливый и плаксивый голосъ форрейтора. Вѣдь ты самъ знаешь, какова она въ головѣ-то крѣпка: всѣ руки вытянула...“—„Я те вытяну. Ну, ну, ну, веди лошадей-то твоихъ,“ ворчалъ Трофимъ (человѣкъ не злой, но любившій припугнуть форрейтора Сидорку), уводя въ конюшню четверку вспаренныхъ коней. Лакеи и горничныя принялись убираться; кое-кто изъ оставшихся дворовыхъ приобѣжали помогать имъ, и со всѣхъ сторонъ посыпались шутки и прибаутки по случаю неудачной поѣздки и скорого возвращенія: „ну что, хорошо ли въ Москвѣ? Чай, всего наглядѣлись!“ говорили одинъ,

оставшіеся въ деревнѣ. „Мы-то ничего, говорили воротившіеся, а вотъ вамъ-то каково! И погулять не успѣли. Да гдѣ у васъ остальные-то? Али съ радости угорѣли?“— „Ну, нишкни, что орешь! Вонъ баринъ на крыльцѣ“... Баринъ въ самомъ дѣлѣ вышелъ на крыльцо для какихъ-то приказаній... Въ самую эту минуту раздася колокольчикъ, и телега парой, шибко приближаясь и звеня, въѣхала на дворъ; проворно соскочилъ съ нея никому неизвѣстный, одѣтый какъ баринъ, какой-то молодой малой, спросилъ, дома ли господъ и гдѣ они; и когда указали ему, что господинъ стоитъ на крыльцѣ, прѣзжіи подошелъ къ баринѣ, снялъ дорожный картузъ, поклонился, подаль письмо и сказалъ: „Флегонтъ Аонасычъ, Марья Васильевна и Аонасій Флегонтовичъ Солобуевы приказали кланяться, спросить о здоровьѣ и доложить, что они прѣехали и остановились въ Вырыбаевкѣ“. Хозяинъ очень смутился, спросилъ однако о здоровьѣ Солобуевыхъ и, взявъ письмо, торопливо ушелъ въ домъ. Входя въ спальню съ письмомъ въ рукѣ, Болдухинъ сказалъ торжественно: „Ну вотъ, матушка, хорошо, что воротились: вѣдь Солобуевы прѣехали. Вѣдь было бы стыдно, еслибъ не застали насъ. Вѣдь я говорилъ, что прѣдуть“. Мать и дочь обѣ вскрикнули и вскочили, подумавъ, что Солобуевы у крыльца, и сейчасъ вспомя, что онѣ одѣты по-дорожному; но Василій Петровичъ (такъ называли старика Болдухина) поспѣшилъ ихъ успокоить, сказавъ, что гости ночуютъ за двѣнадцать верстъ и прислали передового съ письмомъ. Поспѣшно прочли письмо, содержавшее въ себѣ только извѣщеніе о завтрашнемъ прѣздѣ (написанное конторскимъ слогомъ и почеркомъ). Разумѣется, прѣздъ послѣдовалъ вслѣдствіе приглашенія самихъ Болдухиныхъ, сдѣланнаго еще прошлаго года, которое считали несбыточнымъ и о которомъ почти забыли. Хозяйка не вдругъ опомнилась отъ такого, уже вовсе неожиданнаго и поздняго посѣщенія, которое застало ихъ совершенно въ расплохъ, совершенно не въ пору, но дѣлать было нечего. Сообразя нѣсколько свое положеніе, Болдухины прежде всего призвали къ себѣ въ залу парочнаго, присланнаго съ письмомъ, разспросили его самымъ ласковымъ образомъ о здоровьѣ его господъ и о томъ, благополучно ли они совершили такую дальнюю, трудную дорогу. Сказали между прочимъ, какъ они рады такимъ дорогимъ и почтеннымъ гостямъ; госпожа же Болдухина между ласковыми рѣчами вклепа и

вопросъ: отчего Флегонтъ Аванасычъ, Марья Васильевна и Аванасій Флегонтовичъ не прибыли лѣтомъ, а пустились въ путь уже въ позднюю осень? Бойкій и хвастливый лакей, камердинеръ молодого Солобуева, сейчасъ смекнулъ, съ кѣмъ пмѣеть дѣло, закидалъ словами нашихъ деревенскихъ стариковъ и умѣлъ напугать имъ такой пыли въ глаза разсказами о разныхъ привычкахъ и привиредахъ своихъ богатыхъ господъ, что Болдухины перетруселись и не знали, какъ принять, гдѣ помѣстить и какъ угостить, хотя не знатныхъ, но страшнымъ богатствомъ избалованныхъ и избѣженныхъ посятителей; на вопросъ же Варвары Михайловны, отчего такъ поздно пріѣхали Солобуевы, камердинеръ отвѣчалъ: „Всѣ изволили собираться и до послѣдняго дня не рѣшались, ѣхать или нѣтъ-съ. Въдѣ Флегонту Аванасычу отлучиться не то, что другому-съ; въ ихнихъ дѣлахъ можетъ сдѣлаться въ одну недѣлю упущеніе на миллионъ или болѣе-съ (лакей не пугался цифры); окромѣ же того они привыкли вездѣ жить, какъ живутъ у себя дома; все съ собой забрали-съ, и людей себѣ приятныхъ, и мухобилей, къ которымъ привыкли. Мы ѣдемъ-съ въ трехъ каретахъ, двухъ коляскахъ и въ 20-ти повозкахъ; всего 25 экипажей-съ; господъ и служителей находится 22 персоны; до сотни беремъ лошадей. Флегонтъ Аванасычъ очень знаютъ-съ, что въ домѣ помѣститься имъ съ семействомъ невозможно: и вамъ и имъ-съ будетъ безпокойно; а потому приказали просить, если нѣтъ особаго флигеля для ихъ помѣщенія, очистить десятка два-съ крестьянскихъ избъ. Хозяева останутся довольны-съ“. — Покуда объяснялись и ласково бесѣдовали съ камердинеромъ, успѣли приготовить для него кое-что поѣсть, потому что въ этотъ день, ни для господъ въ кухнѣ, ни для людей въ застойной, ничего не готовили: остававшуюся въ Болдухинѣ дворню всю спустили на мѣсячину. Потомъ наполни пріѣзжаго господскимъ чаемъ съ ромомъ, и потомъ самъ Болдухинъ пошелъ съ нимъ осматривать флигель, никѣмъ кромѣ пріѣзжихъ гостей не занимаемый, а также и людскія избы. По счастью камердинеръ благосклонно объявилъ, что флигель очень достаточно для временнаго помѣщенія его господъ и что если очистить нѣсколько людскихъ избъ, то и служители помѣстятся въ нихъ могутъ. Старикъ Болдухинъ очень былъ доволенъ такимъ отзывомъ. Камердинеръ просилъ немедленно его отправить. Привезшая его вырынаевская пара, нанятая съ оборотомъ,

вмѣстѣ съ подводчикомъ, была накормлена и напоена: лошади—водой, а подводчикъ—виномъ. Болдухины написали самое ласковое письмо къ Солобуевымъ, просили камердинера на словахъ передать ихъ радость дорогимъ гостямъ, буфетчикъ поднесъ ему третью рюмку сладкой водки—и опять зазвенѣлъ колокольчикъ, застучала телега, поднявъ за собою пыль вдоль длинной болдухинской улицы, и уѣхалъ бойкій камердинеръ.—Боже мой! Какая суматоха, какая кутерьма поднялась въ цѣломъ домѣ! Надо было не только выбраться изъ дорожныхъ экипажей, разложиться по мѣстамъ, привести и кухню и буфетъ въ прежній порядокъ,—надо было все устроить для помѣщенія, для угощенія пріѣзжихъ гостей, богачей, миллионщиковъ, у которыхъ и прислуга одѣвается и живетъ по-господски! Дымъ пошелъ коромысломъ... Но не пора ли мнѣ воротиться назадъ и рассказать, что это за Солобуевы, какъ они познакомились съ Болдухиными и что значить ихъ посѣщеніе?

Въ Оренбургской губерніи находятся сѣрные источники, получившіе впоследствии всѣмъ извѣстное имя „Сергіевскихъ сѣрныхъ водъ“. Тогда это было дикое мѣсто на нагорной сторонѣ степной рѣки „Большой Сургутъ“. Сѣрные ключи были изъ подошвы небольшой горы и ручьями втекали въ огромный четвероугольный, крѣпко срубленный изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ, бассейнъ, построенный необычайно прочно и почти до краевъ наполненный освѣшею сѣрою. Старожилы говорили, да и мѣстность это подтверждала, что тутъ былъ нѣкогда сѣрный заводъ, уничтоженный будто бы въ послѣдніе годы царствованія императрицы Елизаветы. Лично мнѣ рассказывали, что когда расчищали сѣрные ключи, то находили дубовые клинья, чурбаки и доски, обернутые въ войлокъ, которыми были крѣпко заколочены главные источники, отъ чего вода, прегражденная въ своемъ истокѣ, просачивалась вокругъ множествомъ маленькихъ родниковъ. Очевидно, что заводъ былъ уничтоженъ за минымъ, т. е. искусственнымъ, уменьшеніемъ сѣрныхъ ключей. Кому это было нужно,—не знаю. Изъ бассейна бѣжала рѣчка и впадала въ Сургутъ. По отлогимъ скатамъ, въ ущельяхъ которыхъ, избитыхъ шахтами, росли разныя породы чернолѣся,—въ живописномъ безпорядкѣ были разбросаны калмыцкія кибитки, палатки, плетневые шалаши и кое-гдѣ избушки, перевезенныя изъ ближайшихъ чувашскихъ деревень. Помѣщики, даже изъ дальнихъ